

4. Долинин А. А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М., 2019.
5. Злочевская А. Креативная память как доминанта творческого процесса в романе В. Набокова «Дар» // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 88–113.
6. Лотман М. А та звезда над Пулковом... Заметки о поэзии и стихосложении В. Набокова // В. В. Набоков: pro et contra. Т. 2. СПб., 2001. С. 213–226.
7. Набоков В. В. Дар // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., 1990. С. 5–330.
8. Набоков В. В. Предисловие к английскому переводу романа «Дар» («The Gift») // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 43–45.
9. Набоков В. В. Строгие суждения. М., 2018. URL: <https://www.litres.ru/vladimir-nabokov/strogie-suzhdeniya/> (дата обращения: 25.08.2018 г.).
10. Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
11. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. 6. Евгений Онегин. М., 1995. [Репринт: М.; Л., 1937].
12. Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007.
13. Шульман М. Набоков, писатель. Манифест. М., 2019. URL: <https://www.litres.ru/mihail-shulman/nabokov-pisatel-manifest/> (дата обращения: 02.04.2020 г.).

УДК 821.161.1.09"20"

А. Э. Павлова

*Костромской государственный университет
alla0826@yandex.ru*

Е. И. Юрченко

*Костромской государственный университет
elizavetashabrova@mail.ru*

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА АВТОРА В ПОВЕСТЯХ А. Г. АЛЕКСИНА

В статье рассматривается роль языковых средств, участвующих в создании образа автора в повестях А. Г. Алексина, отражающих специфику языковой личности персонажа-повествователя, уровень его языковой и коммуникативной компетенции, психологические особенности, а также характер его оценок действительности.

Ключевые слова: фразеологизмы, образ автора, языковая личность, языковые средства.

Alla E. Pavlova

Kostroma State University

Elizaveta I. Yurchenko

Kostroma State University

LANGUAGE MEANS OF AUTHOR IMAGE CREATING IN THE STORIES OF A. G. ALEKSIN

This article raises the issues of the role of the linguistic means involved in creating the author's image in the stories of A. G. Aleksin, which reflect the specifics of the linguistic personality of the narrator character, the level of his linguistic and communicative competence, psychological characteristics and the nature of his assessments of reality.

Keywords: idioms, author's image, linguistic persona, language means.

В настоящее время языковая личность автора художественного произведения широко изучается в рамках лингвокультурного и социокультурного подходов. Особый интерес представляет анализ особенностей выражения языковой личности автора, или образа автора, в персональном, или личностно-ориентированном, типе дискурса. Поскольку в этом случае можно говорить об авторской картине мира, которая находит отражение в идиостиле писателя.

Согласно определению В. В. Виноградова, «образ автора – это «индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [2, с. 152]. За образом автора стоит реальная личность с присущим ей лексиконом, грамматиконом, прагматиконом. В этом смысле категории «автор» и «образ автора» не являются эквивалентными. Как отмечает Ю. В. Рож-

дественский, «перевоплощение» личности автора в образ автора есть процесс, имеющий две стороны: 1) изложение идейно-предметного содержания, 2) формирование отношения автора через образ автора к идейно-предметному содержанию [6, с. 232]. Образ автора является «центром, фокусом, в котором скрещиваются, объединяются, синтезируются все стилистические приемы словесного искусства» [2, с. 151]. Следовательно, это одна из форм проявления художественного мастерства писателя. Так, А. Г. Алексиним, который вошел в литературу как детский писатель, уже в ранних произведениях был удачно найден герой, подросток, от имени которого ведется повествование, что позволило проявиться психологическому началу прозы автора (ср.: «Мой брат играет на кларнете» (Из дневника девчонки); «Позавчера и послезавтра», «Повесть Алика Деткина» и др.). Вслед за Т. Г. Винокур мы считаем, что внутреннее расщепление авторской позиции имеет два следствия: с одной стороны, она расширяется, проявляясь в бытийном дискурсе, а с другой стороны, активно «заражает» позицию главного героя – ребенка, подростка. Поэтому личный, эмоционально-субъективный взгляд автора на изображаемое часто проявляется через образ главного персонажа, что обусловлено авторской интенцией, пониманием того, что ребенок во многих случаях мудрее, чище, нравственнее взрослых. В этом случае можно говорить об изучении образа автора в бытийном дискурсе, когда создателем художественного текста принимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, представить предельно насыщенный смыслами характер [5, с. 10]. Анализ основного корпуса текстов, написанных Алексиним в жанре реалистической прозы, в период с 1950-х и до середины 1980-х гг., завершающих советский период его творчества, показывает, что излюбленной сюжетной моделью писателя становится сюжет о духовно-нравственном испытании героя. В произведениях Алексина идейная и педагогическая позиция автора проявляется, прежде всего, в нравственно-эстетическом плане. Его повести создают художественную модель современного мира, исследуют многообразие идеологических, социальных и моральных связей общества, опираясь на углубленное психологическое изучение героя, ребенка и взрослого.

Обратимся к повести Алексина «Поздний ребенок». Здесь автор вводит образ некоего «условного повествователя», «позднего ребенка», Леньки, глазами которого читатель видит жизнь его семьи. На вопрос, почему поздний, мальчик сам дает четкий ответ: его «ждали шестнадцать лет» [1, с. 6]. Условный повествователь, подросток, обладает своим голосом, своей оценочностью, позицией. Анализ внутренней речи ребенка показывает, что этот подросток духовно развит: он понимает своих родных лучше, чем они сами, любит их, несмотря на избыточную опеку с их стороны, что заставляет его страдать. Его речь полна ироничных замечаний в отношении сложившейся ситуации (Например: «Я не спорю с отцом. Бесплезно: я – поздний ребенок, меня берегут»). Алексин избирает разноуровневые языковые средства, которые наиболее адекватно отражают специфику языковой личности персонажа-повествователя, уровень его языковой и коммуникативной компетенции, психологические особенности, а также характер его оценок действительности. Одним из основных средств выражения позиции главного героя являются фразеологизмы (далее ФЕ). Фразеологический комплекс [4, с. 99] – совокупность всех ФЕ, содержащихся в речи повествователя и отличающая его эмоциональная и разговорная маркированность – наряду с другими языковыми единицами (собственно грамматическими единицами: вводные слова, вводные конструкции, обращения, междометия и т. п.) способствует созданию образа повествователя, тринадцатилетнего мальчика. Так, ключевой языковой единицей в тексте всего произведения является ФЕ *поздний ребенок*, которая занимает сильную позицию текста как его название. Отметим его частотное использование в ходе повествования (см.: «Я – поздний ребенок!» или «Ужасно быть поздним ребенком. Я-то уж знаю! Ранние дети появляются быстро, сами собой, как отметки в дневнике, если ты пошел в школу. А позднего ребенка ждут не дождутся и, когда нако-

нец дождутся, начинают проявляет такую любовь, такое внимание, что ему хочется сбежать *на край света, а то еще и подальше*. Данная фразеологическая конфигурация, состоящая из разговорных фразеологизмов таких, как *ждут не дождутся, на край света, сами собой*, слова оценочной лексики *ужасно* представляет отношения героя к сложившейся ситуации, что автором психологически достоверно представлено, например, через сравнение *«как отметки в дневнике»* (ср.: другие сравнения в повести *«как слушали бы шестиклассника, который пришел сдавать экзамен в институт»* или *«ну, как некоторые ученики, которые часами возятся дома с тетрадями или учебниками, корпят над нами, зубрят, а отвечают на двойки или тройки, потому что у них нет способностей»*), которые присущи речи школьника). В рамках представленного контекста происходит обыгрывание фразеологизма *поздний ребенок*, который вступает в антонимические связи со словосочетанием *ранние дети*. Данная оппозиция поддерживается автором на протяжении всего повествования (ср.: *«Значит, поздние дети приносят не только радости»*, *«Странное дело: не заботятся о будущем дочери! Наверное, потому, что она – ранний ребенок»*). Автор стремится показать, психологию не просто ребенка, а позднего ребенка, который очень чутко относится к своим родителям, переживает за них. Герой-рассказчик так об этом говорит: *«Другие ребята об этом не думают. У них молодые родители...»*. Однако важной оппозицией в повести является другая – дети и взрослые. Именно она показывает разное отношение к ребенку, причем обе эти позиции представлены во внутренней речи героя-рассказчика Леньки, что создает комический эффект. Например, герой-рассказчик постоянно повторяет знакомые с детства слова взрослых: *«Ты – ребенок! Ты этого не поймешь»*. Это воспринимается Ленькой так: *«Считает меня кретином! Или, вернее сказать, ребенком. Это для взрослых одно и то же»*; *«Еще бы: ведь я ребенок – не подниму, не пойму, не смогу!»*; *«Ну конечно, ведь я же ребенок, то есть кретин!»*. Частотное использование во внутренней речи героя-рассказчика высказывания *«я – ребенок»*, которым он объясняет поведение членов его семьи, показывает, что он по своему внутреннему содержанию далеко не ребенок. Таким образом, речевой план условного повествователя, звучащий как разговорная речь (см.: *кретин, надавать по физиономии, взбрело в голову и др.*), создает эффект непосредственного общения с читателем. В. Н. Виноградова в статье «О стилизации разговорной речи в современной художественной прозе» указывает на то, что «экспрессивные сниженные разговорные элементы речи призваны передать естественность и непринужденность разговорной речи, возместить собой отсутствие способов передачи собственно устной речи» [3, с. 67]. Анализ отдельных собственных высказываний условного повествователя позволяет сделать вывод о том, что его речь как образа персонажа повести индивидуализирована, что поддерживается таким стилистическим приемом, как повтор в собственной внутренней речи подростка фраз его родителей, сестры, других взрослых людей, что показывает, насколько хорошо он их знает и понимает. Например, *«Это все? – спросила сестра. «Это все?» – так спрашивает наша математичка, когда у доски плетут ерунду»*; *«И почему надо радоваться, что я «на целых две головы» ниже Костики? (Хотя на самом деле я ниже всего на полголовы)»* и др.

Таким образом, в повести «Поздний ребенок» описание референтной ситуации несет на себе отпечаток субъективной оценки персонажем события, факта, отношений, важных для него. Описание и оценка событий представлены через взгляд персонажа, читатель видит события с «внутренней» позиции главного героя.

Следует отметить, что в ходе развития сюжета устойчивое сочетание *поздний ребенок* приобретает дополнительное значение. Помимо Леньки героями повести являются: Людмила, его сестра, родители мальчика, Иван, возлюбленный Людмилы, и сосед Леонид. В произведении все герои – это добрые, хорошие люди, каждый из которых в душе является ребенком. Например, дядя Леня – это большой ребенок, который не очень приспособлен в бытовой жиз-

ни, который по-настоящему любит Людмилу, но как подросток не может сказать ей об этом, поджидая на лестничной площадке. Отец, как большой ребенок, эмоционален, горяч, азартен. В ходе развития сюжета он в порыве чувств поднимает тяжелые чемоданы, что влечет за собой сердечный удар. Иван также поздний ребенок: конце повести мы узнаем, что Иван просто не желает объяснений с Людмилой, перекладывая решение проблемы на мальчика, хотя сначала он воспринимается читателем как человек, который может принять ответственность не только за свои поступки, но и за поступки другого человека. Так, каждый из них сохранил в душе что-то из детства, однако простота и мудрость восприятия мира постепенно исчезли, что огорчает юного героя: *«Почему взрослые придают такое значение мелочам и все усложняют?.. Они слишком много думают – вот в чем несчастье. А иногда нужно поступать не думая, просто как хочется!»* [1, с. 6]

Таким образом, автор повести «Поздний ребенок» стилистически «многолик»: в соответствии с экспрессивным заданием высказывания он способен принять нужную речевую роль, что отражает мастерство А. Г. Алексина, произведения которого «как бы изнутри озарены светом истинной человечности», по словам известной детской писательницы А. Барто [1, с. 507].

Литература

1. Алексин А. Г. «Мой брат играет на кларнете» и другие повести. М., 1983.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971.
3. Виноградова В. Н. О стилизации разговорной речи в современной художественной прозе // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979.
4. Захарова Н. Н. Особенности использования фразеологических единиц в художественном тексте (на материале произведений В. М. Шукшина): дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2001.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
6. Рождественский Ю. В. Общая филология. М., 1996.